

*Прутчи́кова В. В.,**кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой перевода и иностранных языков
Национальной металлургической академии Украины*

АДРЕСАТНІСТЬ КАК ФАКТОР КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ДИСКУРСА

Анотація. Мета статті – дослідити когнітивно-дискурсивні особливості адресатності, визначити її участь в актуалізації міжособистісних установок і стратегій дискурсу.

Зазначено, що адресатність є конститутивною особливістю кожного висловлення. Завдяки своїй діалогічній природі вона прогнозує можливі взаємовідносини між партнерами по комунікації та актуалізує їх комунікативні пріоритети відповідно до умов реальної ситуації.

Визначено, що у поетичному дискурсі адресатність потенціує різні типи комунікації: комунікацію, автокомунікацію, квазікомунікацію. Поетичне мовлення є «єгоцентричним», адресація є почасти самоадресацією. Поліадресатність, квазідирекціональність, інтимізація висловлення проявляються як «вимога жанру». У прозовому дискурсі адресатність виконує, передусім, контактоустановчу функцію і пов'язана з прямою або непрямою дирекціональністю, із ситуативно зумовленою самоадресацією, а через звертання з розподілом комунікативних ролей і комунікативних пріоритетів.

Встановлено, що адресатність детермінована як змістовними, так і формальними характеристиками мовленнєвої ситуації. Актуалізація інтенційної спрямованості адресатності корегується з урахуванням пресупозиції, апперцепційної бази і комунікативної компетенції адресата. Адресатність має необмежену інтенціональну шкалу (питання, вимога, прохання, мольба, переконання, погроза, заклик тощо), яка передбачає ментальну, фізичну, емоційну або емоційно-оціночну реакцію адресата.

Сформульовано висновок, що адресатність дискурсу є соціально зумовленою і соціально орієнтованою. Адресатна установка мовця передбачає когнітивний аналіз ситуації, визначення вектору адресації залежно від типу комунікації, її експресивного тону, загальної інтенції дискурсу, пріоритетності актуалізації когнітивно-комунікативних стратегій.

Ключові слова: адресатність, дискурс, інтенція, дирекціональність, директивність, мовленнєва діяльність.

Постановка проблеми. В настоящее время значительно расширился диапазон исследований дискурсивных особенностей различного рода высказываний, что свидетельствует об активизации теоретического и практического интереса к их антропоцентрическому, а точнее деятельностному аспекту. Поскольку дискурс, по словам Н.Д. Арутюновой, является деятельностью, погруженной в жизнь [1, с. 137], то всякий дискурсивный анализ предусматривает обязательный учет всех социальных параметров происходящего, всех прагматических факторов его осуществления. Последние, как правило, рассматриваются с позиций синкретического анализа когнитивного и прагматического аспектов языковых единиц и речевой коммуникации в целом.

Что касается адресатности как одного из конститутивных элементов высказывания и дискурса в целом, то в лингвистике до сих пор отсутствует единое понимание ее (адресатности) роли в стратегии построения дискурса с учетом того, что поведение и высказывание адресанта интерпретируются с позиции его отношения к адресату и характера отношений между ними.

Цель статьи является изучение когнитивно-дискурсивных особенностей адресатности, ее участия в актуализации межличностных установок и стратегий формирования дискурса.

Анализ последних исследований и публикаций. Адресация отражает внутреннюю природу каждого речевого произведения. Как отмечал М.М. Бахтин, «обращенность, адресованность высказывания является его конститутивной особенностью, без которой нет и не может быть высказывания» [2, с. 279]. Известно, что определение когнитивной стратегии речевой деятельности, адресация речевого акта и моделирование конкретных ситуативных условий осуществляются, прежде всего, в расчете на адресата, поскольку именно он является конечным «потребителем» сообщения. В межличностном же общении адресат является лицом, которое воспринимает и интерпретирует сообщение адресанта в соответствии со своими личными когнитивно-коммуникативными стратегиями и, следовательно, является активным участником коммуникации, от которого в большей степени зависит ее успешность [3, с. 106].

Адресатность высказывания, по словам Т.В. Шмелевой, подрывает монополию автора в смысловой организации высказывания и «открывает» в его модусе наряду со сферой субъекта речи симметричную ей сферу адресата, или «ты-сферу» [4, с. 152], которая эксплицируется в речи системой языковых средств, названных А.П. Леонтьевым средствами адресации [5]. Эти средства, различающиеся «степенью своей очевидности и автономности от диктума», «конкретными семантическими задачами» и характером участия в формальной организации предложения, обеспечивают диалогизацию высказывания, что позволяет исследователям говорить о «принципиальной диалогичности модуса, которая хотя и не проявляется в каждом реальном предложении, составляет его важнейшее свойство» [4, с. 151–152].

Изложение основного материала. Ввиду своей диалогической природы адресатность детерминирована не только содержательными, но и формальными характеристиками речевой ситуации, то есть всеми теми параметрами, которые обеспечивают коммуникативную кооперацию адресанта и адресата. Говоря о такого рода кооперации, исследователи отмечают различные средства ее достижения – языковые и паралингви-

стические: просодические, кинесические, проксемические. В частности, особо акцентируется важность системы обращений. Некоторые исследователи даже используют в качестве синонима адресатности термин «обращенность» речи [6, с. 67].

Грамматическая категория обращения – «употребление существительных, местоимений, субстантивированных прилагательных или эквивалентных им словосочетаний для названия лиц или предметов, к которым обращена речь» [7, с. 276]

Степень многозначности обращения оценивается исследователями по-разному. Так, например, О.А. Мизин называет шесть функций, присущих обращению: звательная, оценочная, выражения социальных отношений, контактирующая, актуализирующая, эмоциональная [8]. Т.В. Шмелева считает, что обращение, во-первых, обозначает адресата; во-вторых, отражает отношение автора к адресату; и, в-третьих, «сигнализирует о моделируемом для данного высказывания типе коммуникации – собственно коммуникации, автокоммуникации и квазикоммуникации» [4, с. 148]. Е.Ю. Алешкина указывает на двуплановый характер передаваемой обращением в процессе адресации речи информации и на две семантические функции обращения – функцию «идентификации адресата» и функцию «отношения к нему со стороны адресанта» [9, с. 63–64].

Способность обращения отображать устанавливаемый говорящим регистр общения, подчеркивать его отношение к получателю информации позволяет современным лингвистам включать вокатив в план модальной семантики высказывания [4; 5].

Следует подчеркнуть, что именно адресатность выступает той отправной точкой, которая, с одной стороны, задает всю многоаспектность возможных взаимоотношений между партнерами по коммуникации, а с другой – каждый раз актуализирует тот или иной характер их партнерства. Понятие партнерства, введенное в свое время А.В. Жеребковым [10, с. 57], имеет когнитивно-дискурсивную природу, как и само понятие адресатности. Вовлечение в сферу исследования партнерства коммуникантов влечет за собой также градацию коммуникативных приоритетов (по В.В. Богданову: говорящий – коммуникативный приоритет 1; адресат – коммуникативный приоритет 2; слушающий – коммуникативный приоритет 3; третьи лица – коммуникативный приоритет 4). То есть установка на адресата является самой важной, поскольку говорящий «примеряет свое речевое поведение к параметрам адресата» [11, с. 8]. Однако это не исключает того, что в угоду конкретным речевым условиям возможна актуализация любого из названных коммуникативных приоритетов, а значит, актуализация одной из четырех возможных межличностных установок: на самого себя, на адресата, на слушающего, на третьих лиц [11].

В зависимости от типа коммуникации (коммуникации, автокоммуникации и квазикоммуникации) для реализации адресатности, а значит, и коммуникативного партнерства используются различные средства. Это обращения, императивные формы, призывающие к активному действию, формы 2-го лица, употребленные в прямом и обобщенно-личном значении, безличные формы, вопросно-ответные построения и т.п. Частотность и характер их применения детерминирован целым рядом когнитивно-прагматических факторов. Например, то, что является типичным для жанра прозы, имеет менее конвенциональный характер в поэзии. Так, приведем пример выражения квазикоммуникации в поэтическом высказывании, когда адресат пред-

ставлен 2-ым лицом: *Все пишешь, – я с усмешкой говорю, – Брось, отступи от рокового дела [Ахмадулина Б., 49].*

Это отрывок из монолога-рассуждения Беллы Ахмадулиной в день своего рождения, отражающий раздумья о судьбе поэта, его назначении. Актуализируется межличностная установка на самого себя (самоадресатность), которая служит интимизации, позволяет употребить разговорное «брось!», а намерение автора говорить о серьезных вещах подчеркивается введением в контекст лексемы высокого стиля «роковой».

Поэтические примеры являются образцами того, когда по замыслу самого жанра коммуникативное партнерство не всегда выражено явно:

К Диане бледной, и яростной

Я простираю руки и мольбы:

Я так устал от гнева и борьбы –

Яви свой лик на мертвенном агате! [Волошин М., III].

Как видим в таком случае, языковое воплощение адресатности с помощью форм обращения не актуально, а представлено формами императива, что дает возможность автору уйти от прямой адресации и расширить ее до пределов полиадресата, что более типично для поэзии. Именно в поэзии при обращении, как известно, адресатом могут выступать и люди, и предметы, и явления природы, и понятия:

О, пыль миров! О, рой священных пчел! [Волошин М., 57].

О, запекшийся в сердце моем

И зазубренный мной без запинки

Белокаменный свиток имен

Маросейки, Варварки, Ордынки! [Ахмадулина Б., 43].

На мызу, милье! Ямщик

Вожжою овода прогонит,

И – с Богом! [Набоков В., 56].

Особенность поэтического обращения, выступающего в форме императива, проявляется в том, что оно как бы приобретает интенционал «директивность» и отличается особой экспрессией, например:

Матерь-Дева, силой Божьейю

Охрани ушедших в бой! [Городецкий С., 55].

«Момент обращенности речи – сам по себе формальный, внешний, почти технический – становится фактором, определяющим смысл и даже ценность поэтического произведения» [12, с. 95]. В поэтическом тексте обращение имеет свои особенности, поскольку «лирической поэзии, отражающей непосредственное восприятие мира субъектом и его (субъекта) процесса мышления, свойственно доминирование одной-единственной точки зрения – «говорящего», из чего следует, что поэтическая речь представляется как «эгоцентричная» [13, с. 88], поскольку основным действующим лицом лирического коммуникативного акта является сам автор. Однако следует указать на то, что именно благодаря этому адресатность приобретает более объемный характер, разрастаясь до полиадресата. И функция такого адресата не сводится только к роли слушающего/читающего, поскольку он не только воспринимает сообщение, но и интерпретирует его для себя (возможно, и для других) и не исключено, что он может перейти к речевому реагированию.

Следует подчеркнуть, что актуализация того иного аспекта адресатности говорящим, имеющим приоритетный когнитивно-дискурсивный статус в модели говорящий – адресат, должна быть скорректирована на основе пресуппозиции, потенциальной апперцепционной базы адресата и его коммуникативной

компетенції. Наприклад: *Нам, види видевишим ответствуй, как деве прелестной: Так быть? Или как? Что решил ты в своем Эльсиноре?* [Ахмадулина Б., 261].

В этом случае говорящий должен быть уверен в том, что адресат (или читатель) данного произведения Б. Ахмадулиной, посвященного памяти В. Высоцкого, знает, что речь идет о роли Гамлета, такой значимой в судьбе артиста и барда В. Высоцкого. Эту роль, как известно, в течение своего служения на подмостках театра на Таганке он сыграл трижды – три разных Гамлета в зависимости от времени и нового понимания этого образа. Таким образом, практически актуализируется межличностная установка поэтессы на саму себя, которая решает для самой себя этот вечный философский вопрос.

Такая же межличностная установка поэта актуализируется и в следующем примере: *Но как я одинок. Россия, как далеко ты отошла!* [Набоков В., 205].

Читатель, знакомый с творчеством В. Набокова, эмигрировавшего в 1940 году в США, поймет, насколько велика ностальгия поэта, его неизбывная тоска по родине, России. К ее светлому образу он постоянно обращается в своем творчестве.

Выражение адресатности в приведенных примерах формально имеет одну и ту же интенциональную характеристику – определенную дирекциональность (направленность). Однако такую дирекциональность можно скорее квалифицировать как квазидирекциональность, поскольку она замкнута на самом авторе. Это просматривается даже в примере с прямым, предельно конкретным обращением: *Булат, ты не горюй, все вроде о'кей...* [Ахмадулина Б., 236]. Или, например, у М. Волошина:

*Входя на миноносце в порт,
Кидай небрежно через борт:*

“Ну как! Буржуи ваши живы?” [Волошин М., 150].

Квазидирекциональность следует отличать от так называемой «косвенной дирекциональности». Например, в одном рассказе Б. Ахмадулиной описывается сцена в станционном буфете, где в ожидании поезда находится группа журналистов. Появляется посетитель: *«Нинку Зареченскую знаешь? – горестно и вызывающе, кричал он на буфетчицу... Нинку Зареченскую не знает? – спросил он, искательно заглядывая нам в лицо* [Ахмадулина Б., 67].

В конкретной ситуации адресату понятно, что речь адресована всем присутствующим. Импликация адресата в описываемой ситуации не влияет на однозначное понимание окружающих, что именно к ним обращается посетитель буфета. То же наблюдается при употреблении укоренившихся в языке штампов – обращений типа: *Эй! Стой! Руки вверх! Минуточку! Дайте пройти! Осторожно! и т.п.*

Такую дирекциональность можно квалифицировать как ситуативно обусловленную. Наличие адресата в реальной ситуации диалога делает ситуацию обращения прозрачной, однозначной, предсказуемой, легко определяемой, поэтому при языковом оформлении такого высказывания именование адресата (подлежащего), как правило, опускается.

В исследованиях последних лет бытует точка зрения, что в диалогах основная функция обращения не структурно-организационная, а психолингвистическая, она состоит в конкретизации направленности высказывания, «в возбуждении психологического интереса у слушающего» [14, с. 853]. Адресатность через обращение, таким образом, связана не только с распре-

делением коммуникативных ролей и коммуникативных приоритетов, а и с психологией и поведенческой культурой коммуникантов.

Микроконтекст позволяет определить социокультурные параметры речи: социальное положение коммуникантов, степень знакомства, пол коммуникантов. В поэзии нередка интимизация высказывания, которая порождена не только конкретным фактором близкого знакомства говорящего и адресата, но и «требованием жанра». Б. Ахмадулина обращается к близкому другу и собрату по перу – Булату Окуджаве: *Булат, ты не горюй, все вроде о'кей...* [Ахмадулина Б., 236].

Лирический герой обращается к возлюбленной по «закону жанра» на «ты», обнажая самые интимные свои чувства и эмоции: *Будь нежней, будь искреннее. Помни, ты одна осталась у меня.* [Набоков В., 145].

Чаще всего повеление выражено с помощью грамматической формы императива: *Настало время новых мятеежей
И катастроф: падений и безумий.*

Благоразумным: «Возвратитесь в стадо!»

Мятеежнику: «Пересоздай себя!» [Волошин М., 158].

Интенциональность адресатности при этом может иметь необозримую шкалу: вопрос, требование, просьба, мольба, убеждение, угроза, призыв и т. д. Интенция выводима из самого высказывания, как в вышеприведенном примере: *Булат, ты не горюй ... (утешение)*

Директивность не всегда связана с местоименной осью я (мы) – ты (вы), как в примере: *Ну что же, едем, если угодно, я готова ...* [Бунин И.А., 257]. *Сложим крылья, мой ангел высокий!* [Набоков В., 270].

Возможна также самоадресация, предполагающая так называемую самоактивизацию (я сказал себе, я подумал). Например: *Он следил за бабочками, и опять спрашивал себя: «Ехать или разом оборвать эти постыдные поездки?»* [Бунин И.А., 133].

Зачастую вводные глаголы выступают как глаголы-комментаторы, позволяющие оценить речевую ситуацию и иллюкуцию высказывания: *Внезапно в класс вошел директор, ...Направился прямо ко мне, вырвал у меня из рук книгу и бешено крикнул: Пошел до конца урока в угол! Я поднялся и, бледнея, ответил: Не кричите на меня и не говорите Мне «ты». Я вам не мальчик...* [Бунин И.А., 334].

Глаголами ввода прямого высказывания могут быть не только глаголы говорения, но и приравненные к ним по функции перформативные глаголы, выражающие к тому же и определенное эмоциональное содержание: ужасаться, взбеситься, негодовать, паниковать, удивляться, сердиться и т. п. [15, с. 46–49]. Например: *Катя стала меня дразнить и учить: «Давай, Белка, дои корову, на такое простое дело должно хватить и московского ума»* [Ахмадулина Б., 179]...*Похваливала меня, посмеиваясь, тетя Дюна: «Знать девка, Беля, ухватиста девка, даром что уродилась незнамо где, аж в самой Москве».* [Ахмадулина Б., 179].

Похвала деревенской хозяйки содержит в скрытом виде намек: и в дальнейшем старайся так же хорошо управляться с русской печкой (интенция – директивность).

С другой стороны, дирекциональность определяет и такую важнейшую функцию адресатности, как установление контакта: *– А, а вы еще не спите?... – Нет, князь не сплю еще. Время детское, всего десять минут третьего...гуляли, развлекались?»* [Бунин И.А., 34].

Нередко, особенно в случае обращения (но не адресации) к предметам, явлениям природы, персонификации, эта функция сводится к апелляции, побуждению к восприятию речи [7, с. 508]. Поэзия изобилует подобными примерами: *Сентябрь, не отводи твое крыло,*

Твое крыло оранжевого цвета... [Ахмадулина Б., 29].

О, светлый голос, путь печальный,

Слыхал я прежде отзвук твой... [Набоков В., 29].

Макроконтэкст, как можно видеть из примеров, выявляет то дистанцированность говорящего и адресата, то, наоборот, дружеское расположение коммуникантов друг к другу, при котором возможны насмешки, поддразнивание, шуточные намеки и прочее. Таким образом, в макроконтэксте экстралингвистические характеристики ситуации получают свое языковое выражение.

Лингвисты, изучающие межличностный аспект отношений говорящего и адресата, неизменно отмечают активную направленность высказывания, а сам речевой акт рассматривают как реагирующий, так как говорящий ожидает и прогнозирует реакцию слушающего (адресата). Его высказывание направлено на побуждение партнера высказать свое мнение, согласие/несогласие с оценкой или мнением говорящего [16]: *А нам думается, – сказали мы, пытая его, – ничего на том свете нет, ни этого рая, ни Ада. Но тут он не согласился: А как же святые-то в раю живут, если его нету... [Бунин И.А., 243].*

Часто побуждение выражается с помощью имплицитной директивности, которая декодируется в топикальных цепочках контекста: тема диалога не исчерпана, она подхватывается собеседником, который должен ответить репликой согласия/несогласия с высказанным мнением: *«Чувствительный немец свято чтит эти узаконенные путеводителями «места с прекрасным видом», *schöne Aussicht*. И считает неперемным долгом расписать: был и любовался Фриц такой-то». Старичок-сенатор тотчас же возразил: «Но позвольте скромно заметить, что тут есть фамилии и французские, и английские, и русские, и всякие иные прочие» [Бунин И.А., 94].*

Можно привести множество примеров на выражение той или иной интенции, порождающей определенную иллюкативную силу высказывания за счет адресатности, но доминирующей интенцией при этом выступает директивность (в том или ином ее проявлении), поскольку говорящий рассчитывает на реакцию адресата, ментальную или физическую, эмоциональную или эмоционально-оценочную.

Выводы. Таким образом, адресатность всегда является социально обусловленной и социально ориентированной, что свидетельствует о ее когнитивно-дискурсивной природе. Адресатная установка, исходящая от говорящего, предусматривает определенный когнитивный анализ ситуации, в результате которого становится возможной актуализация той или иной прагматической ориентации. Именно адресатность воплощает особый замысел направленности высказывания на адресата, хотя и не всегда в прямой форме. Адресатность, с одной стороны, задает тон общей интенциональности речевого действия, а с другой – ранжирует актуализацию тех или иных ее аспектов в зависимости от реальных условий коммуникации. Кроме того, она релевантна также в случае непрямо направленного воздействия на адресата.

Вопрос коммуникативного партнерства в плане адресатности, а также ее эмоционально-оценочная составляющая заслуживают специального, более подробного исследования.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва : Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986. 445 с.
3. Бацевич Ф.С. Основы коммуникативной лингвистики: Підручник. Київ : Видавничий центр «Академія», 2004. 344 с.
4. Шмелёва Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01. Москва, 1995. 447 с.
5. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики : монография. 4-е издание. Москва : Издательство Московского университета, 1981. 584 с.
6. Орлов Г.А. Современная английская речь. Москва : Высшая школа, 1991. 240 с.
7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва : «Советская энциклопедия», 1966. 606 с.
8. Мизин О.А. О морфологии обращения. *Русский язык в школе*. 1980. № 5. С. 75–77.
9. Алешкина Е.Ю. К вопросу о семантической характеристике лексико-обращений. *Функционально-семантические отношения в лексике и грамматике* : межвуз. сборник науч. тр. Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1991. С. 63–67.
10. Жеребков В.А. Коммуникативная модель как комплексный метазнак. *Вопросы языкознания*. 1985. № 6. С. 63–69.
11. Богданов В.В. Коммуниканты. *Вестник Харьковского университета*. Серия «Романо-германская филология». 1989. № 339. С. 7–10.
12. Гин И.Я. Проблемы поэтики грамматических категорий. Избр. раб. Санкт-Петербург : Гуманитарное агентство «Акад. Проект», 1996. С. 95–108.
13. Бескровная И.А. Поэтический текст как модель коммуникации: типы адресантов. *Филологические науки*. 1998. № 5-6. С. 87–96.
14. Морозова И.Б. Функционирование обращения в тексте художественного диалога (на материале английского языка). Дніпропетровськ : Наука і освіта, 1998. Т. 19. С. 850–853.
15. Горбаньова І. Прагматичний потенціал введення прямого висловлювання. *Філологічні студії*. 2002. № 2. С. 46–49.
16. Шиленко Р.В. Опыт фреймовой интерпретации экспрессивных высказываний. *Психолінгвістическіе проблеми семантики и понимания текста*. Калинин, 1986. С. 137–141.

Список использованных источников:

17. Ахмадулина Б. Влечет меня старинный слог. Москва : Эксмо, 2004. 396 с.
18. Бунин И.А. Рассказы и повести, собрания сочинений в четырех томах. Москва : Изд-во «Правда», 1988. Т. III. 538 с.
19. Волошин М.А. Благословение. Харьков : Фолио, 2006. 254 с.
20. Городецкий С.М. Молиться, воровать, любить. Москва, 2003. 55 с.
21. Набоков В.В. Лирика. Минск : Харвест. 2000. 448 с.

Prutchykova V. The category of addressant as a factor of the cognitive and communicative discourse strategies

Summary. The purpose of the paper is to study the cognitive and discursive peculiarities of the category of addressant, to determine its role in the actualization of the interpersonal attitudes and discourse strategies.

The category of addressant has been reported to be a constituent peculiar to any expression, due to its dialogue nature it predicts the possible relationships between the communication partners and actualizes their communicative priorities according to the conditions of the real situation.

It has been determined that in the poetic discourse, the category of addressant potentiates different types of communication: communication, autocommunication and

quasi-communication. Poetic speech is “self-centered”, and addressing is often self-addressing. Poly-addressing, quasi-directionality and the intimation of expression appear to be “genre requirements”. In the prose discourse, the category of addressant fulfills primarily a contact establishing function and is associated with direct or indirect directionality, with situationally conditioned self-addressing, and in the address function it distributes communicative roles and communicative priorities.

In the paper it has been suggested that the category of addressant is determined by both the content and the formal characteristics of the speech situation. Realisation of the intentional orientation of the addressing takes place with reference to the presupposition, the apperception base

and the communicative competence of the addressee. The category of addressant has an unlimited intentional range (questions, demands, requests, begging, conviction, threats, calls, etc.) that implies the mental, physical, emotional or emotional-evaluative response of the addressee.

Thus, it has been concluded that the category of addressant in discourse is socially conditioned and socially oriented. Speaker’s addressing attitude involves cognitive analysis of the situation, determining the vector of the category of addressant depending on the type of communication and its expressiveness, the general intention of discourse and the priority for actualisation of the cognitive-communicative strategies.

Key words: category of addressant, discourse, intention, directionality, directivity, speech action.